

НАРУШИЛ ЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬ ПРЕЗУМПЦИЮ НЕВИНОВНОСТИ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ?

© 2010 г. Н.Н. Цуканов¹

В июле 2007 г. в Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) были внесены изменения, допускающие при определенных условиях возможность привлечения к административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения собственника (владельца) транспортного средства, даже если соответствующее правонарушение было совершено иным лицом². Вполне закономерно возникает вопрос о совместимости указанной новеллы с *презумпцией невиновности*, которая традиционно рассматривается в качестве одной из фундаментальных основ производства по делам об административных правонарушениях.

Правовая презумпция невиновности лица, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении (далее – презумпция невиновности), – достаточно популярная в современной юридической литературе категория. Однако многие выводы относительно её содержания делаются интуитивно, путем использования аналогии с уголовным судопроизводством, что в ряде случаев приводит к искаженному восприятию её юридических свойств.

Пожалуй, наиболее распространенным заблуждением является мнение о тождественности понятий “презумпция невиновности” и “принцип презумпции невиновности”.

Начиная с советского периода, в отечественной юридической науке прочно утвердилось доминирование философского подхода к изучению презумпции как правовой категории³. В соответствии с ним презумпция рассматривается как вывод из индуктивного обобщения. Логическая природа презумпции, отражающая повторяемость жизненных процессов, указывается в качестве основного условия ее существования. Для объяснения самого феномена презумпции используются такие философские категории, как “*вероятность*”, “*достоверность*” и т.п. Основным критерием эффективности и обоснованности презумпции выступает ее способность правильно отражать реальность, служить средством познания.

Именно поэтому с точки зрения традиционных подходов теории права объяснить существование презумпции невиновности по меньшей мере непросто. Складывается впечатление, что это вообще не презумпция, поскольку она не представляет собой вывода из индуктивного обобщения⁴. Иначе следовало бы, что подавляющее большинство лиц,

привлекаемых к ответственности, на самом деле невиновны, что неверно⁵.

Оказавшись малообъяснимой с точки зрения общей теории права, презумпция невиновности стала едва ли не абсолютным достоянием теории уголовного процесса. В результате в рамках последней сформировалось, по сути, самостоятельное учение, в котором очень многое из приписываемого презумпции невиновности определяется не ее природой, а совокупными свойствами системы уголовного процесса. Сегодня, изучая презумпцию невиновности в рамках уголовного процесса, исследователь сталкивается с крайне сложной задачей отграничения собственно данной категории от иных адаптированных к ней норм уголовно-процессуального права.

На самом деле презумпция невиновности является в полной мере презумпцией (об этом свидетельствуют и форма ее изложения, и совокупность юридических свойств), но не фактической, а правовой. Это – норма права, существующая не потому, что содержащееся в ней утверждение многократно доказано человеческой практикой, а потому, что она способна эффективно регулировать общественные отношения. Степень вероятности презюмируемого факта может учитываться законодателем при формулировании конкретной правовой презумпции, а может и не учитываться вовсе. Например, можно предположить, что данный критерий использовался законодателем при формулировании правовой презумпции *авторства* (Закон РФ “Об авторском праве и смежных правах” от 9 июля 1993 г.), правовой презумпции *соответствия договорной цены уровню рыночных цен* (ст. 40 Налогового кодекса РФ), правовой презумпции *потенциальной экологической опасности любой намечаемой хозяйственной и иной деятельности* (Федеральный закон “Об экологической экспертизе” от 23 ноября 1995 г.), правовой презумпции *добросовестности юридического лица или индивидуального предпринимателя* (Федеральный закон “О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)” от 8 августа 2001 г.) и т.д. Но достаточно трудно это утверждать применительно к правовой презумпции *согласия на изъятие органов или тканей* (Закон РФ “О трансплантации органов и (или) тканей человека” от 22 декабря 1992 г.), правовой презумпции *знания закона* (например, в административно-деликтной сфере). Наконец, явно иные мотивы использовались нормотворцем при закреплении правовой презумпции *готовности оружия к выстрелу* (Правила безопасного обращения с огнестрельным оружием самообо-

¹ Начальник кафедры административного права и управления в органах внутренних дел Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

² См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4007.

³ Подробнее о соотношении философского и юридического подходов к определению правовых презумпций см.: Цуканов Н.Н. Правовые презумпции в административной деятельности милиции. Красноярск, 2003.

⁴ “Это особого рода презумпция, – указывал В.М. Савицкий, – которая лишь традиционно, по инерции, а может быть, по причине отсутствия более точного слова именуется презумпцией” (Савицкий В.М. Презумпция невиновности. М., 1997. С. 26).

⁵ “Кому же нужна... презумпция, т.е. законное предположение, – недоумевал в свое время В.С. Тадевосян по поводу презумпции невиновности, – если оно оказывается на 80–90% и более неправильным?” (Тадевосян В.С. К вопросу об установлении материальной истины в советском уголовном процессе // Сов. гос. и право. 1948. № 6. С. 71).

роны) либо правовой презумпции *второстепенности дороги* (постановление Совета Министров – Правительства РФ “О правилах дорожного движения” от 23 октября 1993 г.).

Любая правовая презумпция – обязанность признать презюмируемый факт при установлении факта исходного, пока иное не будет установлено правоприменительным решением компетентного субъекта. Соответственно, термин “принцип презумпции” является, во-первых, условным (словосочетание “принцип обязанности...” трудно охарактеризовать иначе), во-вторых, представляет собой категорию собирательную, аккумулирующую в себе совокупность правил уголовного процесса и производства по делам об административных правонарушениях. В итоге оказывается, что презумпция невиновности непосредственно распределяет бремя доказывания, устанавливает правило толкования сомнений в виновности лица в пользу обвиняемого, означает запрет помогать показаниям обвиняемого и других участвующих в деле лиц путем угроз, насилия и иных незаконных мер⁶, вводит правило, согласно которому признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств⁷; устанавливает обязанность суда обеспечить подозреваемому и обвиняемому право на защиту⁸, определяет необходимость тщательной, всесторонней и объективной проверки всех собранных по делу доказательств⁹, представляет собой “уголовно-процессуальные правила собирания, проверки и оценки фактической информации в связи с установлением виновности конкретного лица в расследуемом преступлении и признания данного человека преступником”¹⁰ и т.д.

В результате надления рассматриваемой категории совершенно необъятными юридическими свойствами неизбежно размываются представления о ней¹¹. Кроме того, формируется уверенность в том, что достаточно закрепить в КоАП РФ эту “волшебную” формулу, и все перечисленное появится само собой. В то же время объяснить с позиций общей теории права способность презумпции непосредственным образом порождать все указанные следствия невозможно. Презумпция невиновности (равно как и любая иная правовая презумпция) – всего лишь конкретная норма в вполне определенных границах своего воздействия. Конструктивно правовая презумпция вообще не способна обязывать что-либо доказывать, толковать сомнения в поль-

зу обвиняемого и т.д.¹² Единственным содержанием той обязанности, которую она представляет, является признание презюмируемого факта. Термин “признать” в этом случае следует понимать не как *поверить или принять за истину*, а как *взять презюмируемый факт за основу, принять его за исходное правовое положение, учесть его как объективное правовое положение*.

В юридической литературе и правоприменительной практике прочно утвердилось мнение о том, что содержание **принципа презумпции невиновности** выражается прежде всего в двух ее естественных и очевидных следствиях:

1) лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, вина в совершении административного правонарушения устанавливается судьями, органами, должностными лицами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях;

2) неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, должны толковаться в пользу этого лица.

Обоснованность данного утверждения применительно к **принципу презумпции невиновности**, конечно, не ставится под сомнение. Однако, если подобным образом рассуждать собственно о самой презумпции невиновности, возникают многочисленные вопросы.

Во-первых, сама по себе презумпция невиновности закреплена в ч. 2 ст. 1.5 КоАП РФ. Если указанные следствия действительно “естественным образом и в полной мере” соответствуют ее содержанию, то зачем законодатель их дополнительно указывает в ч. 3 и 4 ст. 1.5 КоАП РФ? Существует ли вообще необходимость в ч. 2 ст. 1.5 КоАП РФ, если ее следствия и так представлены в КоАП РФ в виде самостоятельных норм?

Во-вторых, презумпция невиновности является частной разновидностью правовой презумпции. В смысле технического исполнения ее формула вполне типична для любой правовой презумпции. Почему при указанных условиях она наделяется совершенно эксклюзивными, уникальными юридическими свойствами, совершенно не свойственными иным правовым презумпциям?

Юридическое значение любой презумпции может проявляться в *двух аспектах: материально-правовом и процессуальном*.

Материально-правовое значение презумпции невиновности выражается в ее способности быть правилом определения статуса лица, привлекаемого к административной ответственности. В рамках производства по делам об административных правонарушениях такая презумпция означает,

⁶ См.: Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1997. С. 231.

⁷ См.: там же.

⁸ См.: Уголовный процесс. Учебник для вузов / Под ред. В.П. Божьева. М., 1998. С. 85.

⁹ См.: Печников Г.А. Принцип презумпции невиновности и проблемы повышения качества предварительного следствия. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 9.

¹⁰ Новосельцев С.П. Презумпция невиновности: структура и правовое содержание формулы. Красноярск, 2001. С. 23.

¹¹ Дополнительным примером этому может быть *презумпция невиновности судов* (ст. 315 Кодекса торгового мореплавания РФ 1999 г.). Согласно ее формуле “ни одно из участвовавших в столкновении судов не предполагается виновным, если не доказано иное”. Данная норма направлена на реализацию ч. 2 ст. 6 Конвенции о столкновении 1910 г. (Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1926. Отд. 2. № 31. Ст. 188), в силу которой “при установлении ответственности за столкновение **не должны применяться какие-либо законные предположения** (выделено мною. – Н.Ц.) о неисполнении кем-либо его обязанностей”. Таким образом, в приведенном примере следует говорить не о презумпции невиновности, а о нормативном запрете использования презумпции виновности.

¹² В рамках внутренне согласованного уголовного процесса презумпция невиновности действительно оказала огромное влияние на развитие всех его институтов. Однако это хотя и очень глубинная, но всего одна вполне конкретная деталь механизма уголовного процесса. Подавляющее число правил, составляющих принцип презумпции невиновности, является не ее прямым следствием, а продуктом взаимодействия рассматриваемой категории с иными категориями уголовного процесса. В частности, на связь правил о распределении бремени доказывания, о толковании сомнений и т.д. с принципами публичности, а также всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела указывалось и в юридической литературе (например, см.: Либус И.А. Презумпция истинности приговора и право на защиту // Сов. юстиция. 1987. № 11. С. 22–24; Громов Н.А. Презумпция истинности судебного приговора // Юрист. 1998. № 5. С. 20 и т.д.).

что до (без) решения компетентного органа никто не может обращаться с привлекаемым к административной ответственности как с виновным. Речь идет прежде всего о невозможности реализации административно-правовых санкций в отношении лиц, виновность которых не установлена вступившим в законную силу решением юрисдикционного органа. Влияние правовой презумпции невиновности может распространяться и на трудовые, жилищные, имущественные и иные правоотношения, если виновность лица в совершении административного правонарушения будет предусмотрена в качестве юридического основания для правоограничения. Например, в соответствии с п. 2.8 Инструкции о порядке возмещения ущерба в случае гибели (смерти) или причинения увечья сотруднику органов внутренних дел, а также ущерба, причиненного имуществу сотрудника органов внутренних дел или его близких, утвержденной Приказом МВД России от 15 октября 1999 г., не признаются осуществляющими служебную деятельность (исполняющими служебные обязанности) сотрудники, “в отношении которых служебной проверкой, органами дознания и предварительного следствия, судом установлено, что совершенное ими деяние... является умышленным административным правонарушением”. До тех пор пока презумпция невиновности не будет опровергнута в установленном законом порядке, указанное правило не применяется. Аналогично будет решаться вопрос об отказе в выдаче лицензии на приобретение оружия в соответствии со ст. 13 Федерального закона “Об оружии” от 13 декабря 1996 г.¹³ и т.д.

Несколько иная ситуация возникает в случаях, когда законодатель предусматривает возможность ограничения прав гражданина в зависимости от содержания совершенного им деяния, независимо от того, дана ли субъектом административной юрисдикции надлежащая оценка ему или нет. Например, в соответствии со ст. 14 Федерального закона “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” от 25 апреля 2002 г. страховщик имеет право предъявить регрессное требование к причинившему вред лицу (страхователю, иному лицу, риск ответственности которого застрахован по договору обязательного страхования) в размере произведенной страховщиком страховой выплаты, если вред был причинен указанным лицом при управлении транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного);

указанное лицо не имело права на управление транспортным средством, при использовании которого им был причинен вред;

указанное лицо скрылось с места дорожно-транспортного происшествия и т.д.

Нетрудно заметить, что в подобных случаях возможно наступление административной ответственности (ст. 12.7, 12.8, ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ). Однако здесь презумпция невиновности хотя и учитывается, но уже не играет такой роли, поскольку указанные обстоятельства могут быть установлены вне производства по делам об административных правонарушениях.

Процессуальное значение презумпции невиновности (как и любой иной презумпции) находит свое выражение в том, что презюмируемый факт (невиновность лица, привлекаемого к ответственности) не требует специального доказывания в процессе. Субъект признается невиновным, если и пока иное не доказано. Отсюда следует, что недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности. Правовые презумп-

ции в рамках процесса заранее **разрешают ситуации недоказанности**. Они убедительно показывают, какое решение будет принято в том случае, если не будут собраны доказательства, достаточные для принятия иного предусмотренного законом решения (в случае с презумпцией невиновности это предопределяет распределение бремени доказывания). Тезис же о том, что презумпции непосредственно обязывают кого-либо что-либо доказывать, неверен. Наиболее очевидным это становится в сферах, лежащих за пределами уголовного или административно-юрисдикционного процессов¹⁴.

Для более точной характеристики процессуального значения презумпции невиновности необходимо учитывать, как минимум, три обстоятельства.

Во-первых, действующее уголовное, уголовно-процессуальное, административно-деликтное и административно-процессуальное законодательство использует термин “виновность” преимущественно в двух смыслах – как характеристику: 1) действия (например, ч. 1 ст. 14 УК РФ, ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ); 2) соответствующего лица (например, ч. 1 ст. 43, ч. 3 ст. 47, ст. 48, ч. 1 ст. 55, п. “а” ч. 1 ст. 58 и т.д. УК РФ, ч. 2 ст. 6, ч. 2 ст. 8, ч. 1 ст. 14 и др. УПК РФ, ч. 4 ст. 1.5, ч. 2 ст. 2.1, ч. 2 ст. 4.1, ч. 2 ст. 26.2 и др. КоАП РФ). В первом случае термин “виновность” обозначает наличие вины как элемента состава правонарушения, во втором – характеризует лицо, как совершившее правонарушение, за которое может наступить соответствующая ответственность. В последнем случае установление виновности не ограничивается констатацией наличия только одного элемента субъективной стороны правонарушения, но и свидетельствует о наличии в действиях данного лица всех иных элементов состава правонарушения. Об этом совершенно определенно говорится, например, в ч. 1 ст. 24 УК РФ, п. 28 ст. 5 УПК РФ и т.д. В ч. 2 ст. 1.5 “Презумпция невиновности” КоАП РФ термин “невиновность” используется для характеристики соответствующего лица. Исходя из этого, закрепленная в КоАП РФ презумпция невиновности не может толковаться как *презумпция отсутствия вины*.

Во-вторых, для большинства презумпций презюмируемый факт уже в непосредственном виде имеет юридическое значение. В случае с презумпцией невиновности требуется его дополнительная процессуальная адаптация. Сам по себе термин “невиновность” не используется законодателем в качестве оснований для прекращения дела или иных решений в рамках производства по делам об административных правонарушениях. В целом же с проявлением презумпции невиновности могут быть связаны, например, прекращение дел об административных правонарушениях по основаниям, предусмотренным п. 1–2 ст. 24.5 КоАП РФ, возможность вынести решение по жалобе на постановление по делу (ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ) на основе недоказанности соответствующих обстоятельств.

В-третьих, в производстве по делам об административных правонарушениях вывод о невиновности лица может быть сделан в двух случаях:

1. При доказанности его невиновности (например, если имеются убедительные доказательства непричастности лица

¹³ См.: Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

¹⁴ Например, именно разрешает ситуацию недоказанности, а не определяет носителя бремени доказывания правовая презумпция отцовства, согласно которой “отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, если не доказано иное...” (ч. 2 ст. 48 Семейного кодекса РФ). Очевидно, что здесь носителем бремени доказывания окажется субъект, которого подобное решение не устраивает (им может оказаться мать ребенка, ее муж и др.).

к правонарушению). Применительно к подобным ситуациям прав А.С. Барабаш, утверждающий, что доказывать необходимо как виновность лица, так и его невиновность¹⁵. Презумпция невиновности (ч. 2 ст. 1.5 КоАП РФ) здесь не применяется.

2. При недоказанности виновности как результате реализации принципа толкования сомнений в пользу лица, привлекаемого к ответственности. Основанием именно этого вывода является правовая презумпция невиновности.

С учетом обозначенных юридических свойств презумпции невиновности (ч. 2 ст. 1.5 КоАП РФ) можно ли говорить о её принципиальной несовместимости с возможностью привлечения к административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения собственника (владельца) транспортного средства, если соответствующее правонарушение было совершено иным лицом? Полагаем, что нет.

Данный вывод оказывается очевидным, если попытаться раскрыть содержание рассматриваемой новеллы.

1. В современной юридической литературе высказываются отдельные мнения о том, что законодателем введена категория, диаметрально противоположная презумпции невиновности, – “презумпция виновности водителя”¹⁶. С подобной точкой зрения трудно согласиться. В чем должно выражаться материально-правовое значение презумпции виновности как антипода презумпции невиновности? С какого момента в этом случае лицо будет признаваться правонарушителем со всеми вытекающими из этого последствиями? В соответствии с презумпцией невиновности этим моментом является вступление в законную силу постановления о назначении административного наказания. Можно ли утверждать, что это правило не действует в приведенной ситуации? Что, например, произойдет, если после соответствующего выявления факта административного правонарушения по техническим причинам не будет вынесено постановления о назначении административного наказания? Очевидно, что без вступившего в законную силу указанного решения соответствующее лицо не считается правонарушителем. И основанием для подобного вывода будет ч. 2 ст. 1.5 КоАП РФ. Следовательно, материально-правовое значение презумпции невиновности в полной мере присутствует в ситуациях реализации ст. 2.6-1, ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ.

2. Значительно сложнее обосновать совместимость рассматриваемой новеллы с процессуальным аспектом презумпции невиновности, но и этот вывод может быть доказан.

Рассуждая о новом порядке привлечения к административной ответственности, Е.В. Климович предлагает говорить о законодательно закреплённой “презумпции управления транспортным средством в момент совершения правонарушения собственником”¹⁷. Логика подобного утверждения понятна, но не бесспорна. Безусловно, законодатель, формулируя ст. 2.6-1 КоАП РФ, учитывал, что в большинстве случаев именно собственник (владелец) транспортного средства является его водителем. И в этом смысле мы имеем возможность говорить о соответствующей фактической

презумпции, но лишь в качестве одного из мотивов действий законодателя. Законодательное же закрепление *презумпции управления транспортным средством в момент совершения правонарушения собственником* (придание ей правового характера) было бы ошибочным.

Во-первых, трудно представить действие данной презумпции в ситуациях, когда транспортное средство принадлежит юридическому лицу. Во-вторых, неясно, как следует поступать, если собственник (владелец) транспортного средства к моменту выявления правонарушения лишен специального права управления транспортным средством либо никогда не имел права управления транспортным средством? Реализация данной презумпции означала бы необходимость дополнительной квалификации по ч. 2 или ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ, с чем трудно согласиться. В-третьих, доказанность того, что именно собственник (владелец) транспортного средства был водителем в момент фиксации правонарушения, является недостаточным для констатации его виновности. Для обоснованного решения о виновности лица необходим анализ всех обстоятельств, подлежащих выяснению по делу (ст. 26.1 КоАП РФ).

Правовая презумпция невиновности (ч. 2 ст. 1.5 КоАП РФ) связывает необходимость признания невиновности лица с фактом отсутствия убедительных и достаточных доказательств его виновности. Но сами правила доказывания виновности, оценки доказательств и их совокупности регламентируются совершенно иными нормами. И на этом этапе могут применяться различные приемы правового регулирования.

В случае надлежащей фиксации правонарушения соответствующими техническими средствами (исходный факт) виновность собственника (владельца) транспортного средства считается доказанной (презюмируемый факт), если (пока) иное не будет установлено в порядке, предусмотренном КоАП РФ. Таким образом, речь должна идти о *правовой презумпции доказанности виновности собственника (владельца) транспортного средства*. Данную категорию следовало бы закрепить в КоАП РФ непосредственным способом. Вывод же о доказанности виновности позволяет опровергнуть в каждом подобном случае презумпцию невиновности и привлечь лицо к административной ответственности.

Например, согласно ч. 1 ст. 42 Закона РФ “О прокуратуре Российской Федерации” от 17 января 1992 г.¹⁸ любая проверка о факте административного правонарушения, совершенного прокурором, является исключительной компетенцией органов прокуратуры. Однако в приведенной ситуации какая-либо дополнительная проверка не требуется. Виновность лица в совершении соответствующего правонарушения будет считаться доказанной с момента установления исходного факта. Следовательно, если лицо, привлеченное таким образом к административной ответственности, в реальности окажется прокурором, то это не должно являться основанием для отмены постановления о назначении административного наказания. Однако если владельцем транспортного средства окажется судья, то вынесенное в соответствии с ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ постановление о назначении административного наказания подлежит отмене, поскольку решение о привлечении судьи к административной ответственности должно приниматься в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 16 Закона

¹⁵ См.: Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. С. 125.

¹⁶ Мальцев Г. Презумпция виновности водителя // Росс. газ. 2006. 4 апр.

¹⁷ Климович Е.В. Устройства автоматической фиксации нарушений как новая форма надзора за соблюдением правил дорожного движения // Полицейское право. 2007. № 1 (9). С. 91.

¹⁸ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366; Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

РФ “О статусе судей в Российской Федерации” от 26 июня 1992 г.¹⁹.

Итак, рассматриваемая новелла не противоречит презумпции невиновности (ч. 2 ст. 1.5 КоАП РФ). Но как все же объяснить изменение ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ, из анализа которого можно сделать предположение о законодательном возложении на лицо, в отношении которого ведется производство по делам об административных правонарушениях, обязанности доказывать свою невиновность? Не подрывает ли это фундаментальные основы производства по делам об административных правонарушениях? Не нарушает ли это, наконец, ст. 49 Конституции РФ?

В данном случае речь идет о соотношении нового порядка привлечения к административной ответственности не с презумпцией невиновности, а с одноименным принципом, который не утрачивает своего значения, хотя механизм реализации которого претерпевает определенные изменения.

Во-первых, отсутствуют основания говорить о нарушении ст. 49 Конституции РФ. Презумпция невиновности, закрепленная данной статьей, вопреки достаточно распространенному мнению не носит общеправового характера, поскольку сформулирована с использованием инструментария уголовно-процессуального права²⁰. И совершенно прав А.Ю. Якимов, указывающий на недопустимость расширительного толкования положений ст. 49 Конституции РФ, их распространения на сферу административной ответственности²¹. Иной подход, кстати, вообще исключает возможность привлечения к административной ответственности во внесудебном порядке. К тому же вряд ли имеются основания утверждать, что презумпция невиновности действует и в гражданском процессе.

Во-вторых, правило о том, что лицо не обязано доказывать свою невиновность, является нормой-гарантией и в определенном смысле сохраняет свою силу даже в случаях, связанных с применением ст. 2.6-1 КоАП РФ. При фиксации соответствующим техническим средством административного правонарушения в области дорожного движения правоохранительный орган освобождается от необходимости доказывать иные обстоятельства совершенного правонарушения. Но доказать наличие исходного факта (факта надлежащей фиксации административного правонарушения соответствующими техническими средствами) должен именно правоохранительный орган.

Если доказывание собственной невиновности является обязанностью соответствующего лица, то за её невыполнение должна наступать самостоятельная юридическая ответственность. Однако собственник (владелец) транспортного средства даже в случае, если соответствующее правонарушение совершил не он либо противоправное действие совершалось в условиях крайней необходимости, юридически не обязан ничего доказывать, он **свободен в выборе**: доказывать свою невиновность либо оплатить штраф за правонарушение, которого фактически не совершал. Другое дело, что государство не гарантирует безопасность лицу (при его бездействии) от незаслуженного привлечения к

административной ответственности в случаях, предусмотренных ст. 2.6-1 КоАП РФ. Дополнение к ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ (“...за исключением случаев, предусмотренных примечанием к настоящей статье”) является скорее индикатором, средством привлечения внимания к изменению существующего порядка производства, чем самостоятельным регулятором общественных отношений.

При реализации ст. 2.6-1, ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ действует, хотя и в усеченном варианте, правило о том, что “неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, должны толковаться в пользу этого лица”, например при невозможности прочтения отдельных символов государственного регистрационного номера соответствующего автомобиля.

Более уместным и проблемным является вопрос о том, соответствует ли это принципу субъективного вменения? Не нарушаются ли в подобных случаях ч. 1 ст. 1.5, ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ?

Так, по мнению А.Ю. Якимова, в рассматриваемых ситуациях имеет место “очевидная аналогия с содержанием ст. 1079 ГК РФ, основанная на юридическом закреплении того очевидного факта, что *транспортное средство относится к источникам повышенной опасности*”²². Однако в этом случае закономерен вывод о применении принципа объективного вменения, что требует известных и весьма серьезных корректив КоАП РФ.

Предпринимаемые в юридической литературе попытки решения этого вопроса иным способом пока нельзя назвать успешными. Например, по мнению Б.В. Россинского, в случае реализации ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ вина собственника выражается в том, что транспортное средство предоставляется по неосторожности лицу, совершившему правонарушение, в связи с чем ч. 1 ст. 2.6-1 предлагается дополнить соответствующей формулировкой²³.

Однако, во-первых, для правонарушений, которые выявляются соответствующими техническими средствами (ст. 12.9, 12.12 и др. КоАП РФ), характерна только умышленная форма вины. Предлагаемый Б.В. Россинским вариант вовсе не объясняет возможности привлечения владельца транспортного средства к административной ответственности в случае, когда превышение установленной скорости дорожного движения допущено иным лицом. Очевидно, что предлагается, по сути, принципиально новый состав административного правонарушения. При этом в последней ситуации к административной ответственности должны привлекаться оба фигуранта: владелец – за “неосторожное” предоставление транспортного средства и водитель – за умышленное нарушение правил дорожного движения.

Во-вторых, включение в текст КоАП РФ соответствующего дополнения фактически парализует предусмотренный ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ механизм, поскольку правоприменитель в этом случае обязывается доказывать наличие неосторожной формы вины водителя. С одной стороны, мы сталкиваемся с трудностями материально-правового характера, поскольку не ясно, в чем же заключается противоправность действий владельца, вполне законно передающего управление транспортным средством (с учетом ограничений, предусмотренных п. 2.7 Правил дорожного движения) другому лицу?

²² Там же. С. 126.

²³ См.: *Россинский Б.В.* К вопросу о вине собственника (владельца) транспортного средства, привлекаемого к административной ответственности за нарушения в области дорожного движения // *Полицейское право.* 2008. № 1. С. 71.

¹⁹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

²⁰ “Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда”.

²¹ См.: *Якимов А.Ю.* Презумпция невиновности в административно-деликтном праве (Юридические и организационные вопросы) // *Полицейское право.* 2007. № 1 (9). С. 125.

Аналогия со ст. 20.22 КоАП РФ в данном случае вряд ли уместна. В отличие от родителя, на которого возложены обязанности по воспитанию своего ребенка (ст. 63 Семейного кодекса РФ), владелец транспортного средства такой обязанности не несет. С другой стороны, доказывание неосторожной формы вины требует проведения необходимых процессуальных мероприятий, что в корне не соответствует порядку, предусмотренному ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ.

Вполне вероятно, что отмеченный вопрос и связанные с ним противоречия послужат стимулом для пересмотра некоторых фундаментальных положений административно-деликтного законодательства.

Некоторая неопределенность связана с тем, что ч. 2 ст. 2.6-1 КоАП РФ четко не формулирует ответа на вопрос: что же должен доказать собственник (владелец) транспортного средства для освобождения от административной ответственности – невозможность совершения им указанного правонарушения (например, алиби) либо причастность к факту данного правонарушения иного конкретного лица? Если допустить возможность второго варианта, несоответ-

ствие ч. 2 ст. 2.6-1 КоАП РФ традиционному содержанию принципа презумпции невиновности выглядит совершенно очевидным.

Отмеченные проблемы и вопросы свидетельствуют о необходимости дальнейших исследований рассмотренной новеллы. Возвращаясь же к вопросу, сформулированному в названии настоящей работы, необходимо указать следующее. Изменения, внесенные законодателем в КоАП РФ, не нарушают презумпцию невиновности лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, вполне с ней совместимы в рамках одного нормативного акта, вносят определенные коррективы в реализацию принципа презумпции невиновности, закрепляют правила, достаточно распространенные и хорошо зарекомендовавшие себя в мировой практике²⁴ и могут быть успешно адаптированы к структуре КоАП РФ.

---

²⁴ В частности, подобные отступления от принципа презумпции невиновности содержат законодательства Франции, Норвегии, Швеции, Японии и других стран (см.: *Якимов А.Ю.* Указ. соч. С. 127).